

ФЕНОМЕН “ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО НОВОГО” В DASEIN- И ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНОМ АНАЛИЗЕ (АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ)

А. БАРАННИКОВ*

*“Мы не боимся трудных вопросов, хотя не
всегда и не на все из них можем ответить”*

А. Лэнгле

Цель настоящей статьи – рассмотрение феномена встречи Я и Мира, а также некоторых семантических и экзистенциальных последствий этой встречи под углом зрения теории Dasein-анализа и экзистенциального анализа. В том или ином ракурсе данную тему освещали многие теоретики указанных направлений. Тем не менее, утверждает автор, она и сегодня кажется столь же неисчерпаемой, как и раньше. В своей работе он предпринимает попытку возвращения к проблеме, адресуясь к некоторым старым взглядам в надежде на то, что они помогут увидеть в новом свете ряд ее аспектов, не утративших значения и сегодня. Многообразие результатов встречи с Миром для Я автор сводит к двум основным полюсам, которые субъективно воспринимаются личностью как “потери” и “приобретения”.

Данная публикация не является примером последовательного экзистенциального анализа. В ней в достаточно вольной манере смешиваются различные традиции мышления классиков экзистенциального феноменологического направления в надежде на то, что приобретения, полученные в результате такого смешения, могут оправдать некоторые неизбежные потери, и ощущение непоследовательности, обусловленное сочетанием разных идей и концепций, сменится в конечном итоге чувством гармонии.

---

* Баранников Александр Сергеевич – доктор медицинских наук, директор медицинского центра, преподаватель МПГУ, председатель секции экзистенциальной психотерапии ППЛ, член совета директоров российско-австрийского Института экзистенциально-аналитической психологии и психотерапии.

Многообразии последствий встречи с Миром для Я и персоны* может быть сведено к двум основным полюсам, которые представляют собой первичные оценки, первичные пра-содержания, предполагающие некие вполне конкретные содержания и определенный эмоциональный вектор реагирования. Эти полюса субъективно воспринимаются как *потери* и *приобретения*. То и другое обнаруживается в разнообразной нормальной и патологической феноменологии в виде более или менее отчетливых оттенков, отражающих одну из сторон феномена. Оба названных полюса всегда вызвали огромный интерес исследователей, поскольку разводили между собой два круга не только психологических, но и клинических проблем, включающих в себя огромное разнообразие эмоциональных проявлений и столь же разнообразные поведенческие последствия. Полюс приобретений предполагает различные оттенки эмоциональных состояний со знаком (+), такие как удовольствие, радость, любовь. В своеобразной форме он присутствует при всякого рода зависимостях и включенностях (характеризуя некоторые из них, Л.Бинсвангер использовал понятие “одержимость”, или “охваченность”). Не менее многообразны и проявления полюса потерь, обычно сопровождаемые знаком (-). Сюда можно отнести неуверенность, тревожность, страхи, депрессии, различные формы агрессии. Устанавливая подобное разделение, необходимо отметить динамичность и сложность сочетаний, в которых часто выступают приобретения и потери, требуя при взгляде на них выбора определенного угла зрения.

Возможность дихотомического взгляда при подходе к интересующему нас явлению заложена еще в представлениях Ф.Брентано о полярности суждений и эмоций как специфической характеристике психического (Брентано, 2000).

Приобретения и потери соотносятся с качественными, оценочными характеристиками интенционального акта, описание которых мы находим в работах Э.Гуссерля (2000).

О.Ф.Больнов отмечает: “Жизненные отношения связывают человека с окружающими вещами и людьми и извлекают для него из среды последних совершенно определенное значение. Сами по себе жизненные отношения, опять-таки, оказываются весьма разнообразными и подразделяются, прежде всего, на два полюса: содействия и препятствия, дружелюбности и враждебности” (Больнов, 1999, с.81). Автор ссылается на представления К.Ясперса о ситуации и пограничной ситуации, где ситуация рассматривается с точки зрения психических и физических по-

---

* Персона (Person) – та пра-основа, из которой “Я” черпает свою духовную силу (Лэнгле, 2001), то, что “Я” говорит во мне (Лэнгле, 2002).

следствий в виде преимущества или вреда, которые она может иметь для жизни человека (Ясперс, 2000; цит. по Больнов, *op.cit.*).

В соответствии с представлениями А.Лэнгле, отмеченные выше феномены могут быть рассмотрены как впечатления, содержащие чувства и импульс (Längle, 1993). Они могут иметь ту или иную степень структурной оформленности и направленность, обусловленную не вполне четко осознанным содержанием, представляющим собой задний план конкретных содержаний.

Несмотря на то, что дихотомия “приобретения-потери” привлекала внимание многих представителей экзистенциальной философии, психологии и психотерапии, доступные литературные данные позволяют сделать вывод, что никто из авторов не пытался рассмотреть ее как *самостоятельную антропологическую проблему*, имеющую существенное значение для психотерапии. Как правило, указанные полюса рассматривались изолированно, вне взаимной связи с феноменологией друг друга. Этот вывод предопределил задачи настоящей работы.

Свое внимание мы сосредоточим на исследовании феномена приобретений и потерь и связанной с ним особой формы *Dasein*^{*}, наделенной собственными структурными гносеологическими и онтологическими характеристиками.

В дальнейшем будут рассмотрены существующие представления об интенционально-трансцендентной природе человека, где интересующая нас феноменология занимает свое особое место. Предметом внимания станут ноодинамические и психодинамические аспекты феномена “экзистенциально нового”. Наконец, мы попытаемся взглянуть на возникающие при встрече с “экзистенциально новым” приобретения и потери с точки зрения их символического значения. Будут выделены прикладные аспекты антропологических данных и сформулированы, хотя бы в общих чертах, некоторые следствия для психотерапии.

Структурные особенности Dasein при встрече с “экзистенциально новым”

Особое значение для теории и практики психотерапии всегда имело рассмотрение тех форм “разомкнутости” *Dasein*, а также тех форм диалогических отношений с Миром, которые имеют хоть сколько-нибудь отчетливые семантические последствия. Целесообразно проанализировать условия, порождающие такого рода последствия. При этом следует отметить, что данные условия всегда имеют два аспекта: *Я* и *Мир* как проявление единства *Dasein*. “Разомкнутость” *Dasein* – тот след, который

^{*} Понятие *Dasein* отражает единство человека и мира. Это два аспекта одной целостности, которые не существуют друг без друга и могут быть поняты лишь посредством друг друга.

остался в представлениях М.Хайдеггера от традиционного разделения субъекта и объекта. В описаниях автора (Хайдеггер, 1997) она предстает подобно разлому земной коры, заглянув в который, испытываешь ужас и страх. Но экзистенциальные аналитики, структурировавшие диалогические отношения Я и Мира, не побоялись заглянуть в эту бездну. Понимание таких различий в подходах необходимо для того, чтобы в дальнейших рассуждениях сохранять обе перспективы видения проблемы.

В качестве *исходной позиции* может быть принята одна из возможностей *Dasein* – *особое качество тех диалогических отношений*, в которых рождается “*н о в о е*”.

Интерес к категории “нового” в психотерапии возник одновременно с выявлением его роли в жизни человека, которая подробно раскрывалась в разработанной французским исследователем М.Арбросом теории и практике кайнотерапии (*kainos* – др.-греч. – новый) (Сосланд, 1999). Тем не менее, возврат к категории “нового” с позиций *Dasein*-анализа и экзистенциального анализа представляется весьма важным, поскольку становится условием решения многих практических вопросов. В частности, в какой степени категория “нового” соотносится с понятием нового в повседневной жизни? И всегда ли новое в повседневной жизни имеет какие-либо последствия для *Dasein*?

Отвечая на эти вопросы, необходимо, прежде всего, уловить закономерную связь самого “нового” и его *последствий*. Как очевидно, между ними существует прямая зависимость. Оба понятия синергичны: о “новом” можно говорить только тогда, когда обнаруживаются хоть сколько-нибудь различимые его последствия.

В повседневной жизни мы сталкиваемся с огромным количеством событий, которые считаем неважными и ничего не меняющими. Это – события, не оставляющие следа в нашем бытии. В отличие от них, событие считается “*событием!*”, когда оно влечет за собой значимые перемены, меняет экзистенцию и ее характеристики – так называемые *экзистенциалы*. Экзистенциальное, в определенном смысле, – внепредметно, внеситуативно, находится вне физического пространства и вне астрономического времени. Оно располагается в других измерениях, определяемых Л.Бинсвангером (1999) как *Mitwelt* (мир взаимоотношений с человеческими существами) и *Eigenwelt* (собственный мир). Таким образом, “экзистенциально новое” – это сущее или те его формы, которые отражают изменения экзистенции, или экзистирующего бытия, о чем мы узнаем по определенным экзистенциальным последствиям (в данной публикации термин “*сущее*” употребляется в значении – *соотносящееся с действительностью*, а “*сущностное*” – как *экзистенциальное*).

Так, проявления запоздалых знаков внимания со стороны нелюбимого мужа могут ничего не изменить в жизни женщины. Тем не менее, в течение многих лет ее продолжают раздражать некоторые особенности его поведения. Она обычно говорит, что не может к ним привыкнуть, так как “это всегда что-то меняет в жизни и всегда невыносимо”. Узнает она об этом через посредство своих отрицательных эмоций. Данный пример означает, что “экзистенциально новое” способно оставаться новым в течение многих лет, несмотря на многократное повторение. Вместе с тем, то, что случается впервые, может и не быть “экзистенциально новым”, если не сопровождается значимыми для человека переменами.

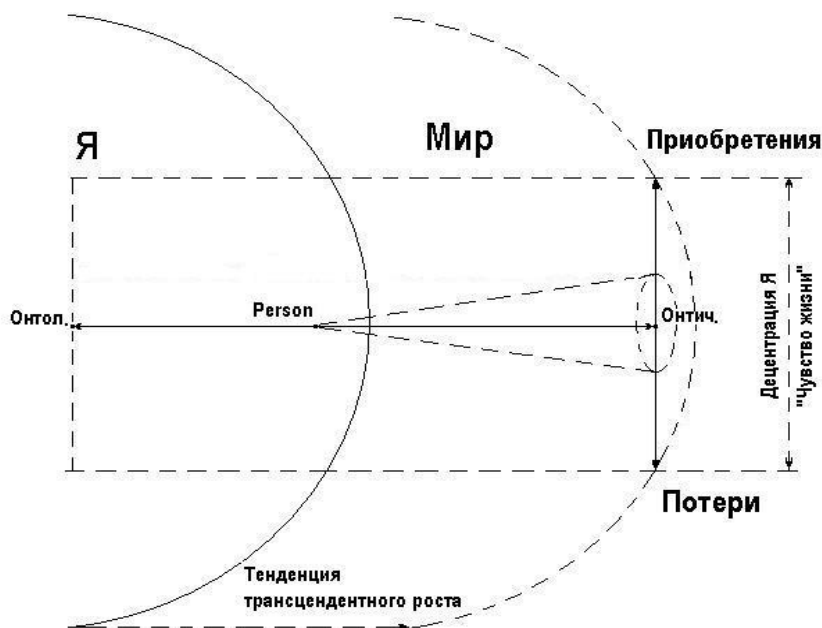
Такие сущностные особенности заставляют нас обратиться к тем закономерностям, которые сопровождают возникновение “экзистенциально нового” как особой формы *Dasein*.

Для анализа проблемы попробуем обратиться к некоторым структурным характеристикам, отражающим гносеологически-онтологические закономерности *Dasein*, а именно, к *разомкнутости* и *единству* Я и Мира. Попытаемся представить интенционально-трансцендирующее Я и Мир в виде схемы, на которой в условно-плоскостном изображении представлены некоторые характеристики *Dasein*, определяющие центральную структуру Я как возможное поле Я-позиций, Я-оценки (см. *рис.1*).

Необходимое условие возникновения феномена “экзистенциально нового” – близость Я с Миром или с Ты (в понимании М.Бубера), возникающая либо при Встрече, либо в условиях более длительных отношений (как отмечает А.Лэнгле). При этом существенную роль может также играть установленная М.Хайдеггером связь между близостью и значением.

Значение, являющееся оборотной стороной близости, сигнализирует нам об “экзистенциально новом”. Это – своего рода маяк, в функции которого выступает не знак, а символ, имеющий многозначную природу. Следует учитывать, что данная многозначность чаще всего не лежит на поверхности, а скрывается за первичной формой проявления значения в виде чувств и семантически слабо дифференцированных последствий. В задачи настоящего исследования не входит рассмотрение всего разнообразия этих последствий. Мы будем следовать выбранным ранее ориентирам – соотношению позиции Я с теми первичными эмоционально-оценочными последствиями (в виде приобретений и потерь), к которым привела встреча с “экзистенциально новым”. При этом предполагаются возможные конкретные содержания и обусловленные ими последствия, как в жизни человека, так и в окружающем Мире.

На рис.1 центральная структура Я обозначена двумя векторами: а) онтологический и онтический полюса Я-позиции и б) вектор приобретения-потери. Попробуем представить эту центральную структуру (по аналогии с взглядами Э.Гуссерля, и подразумевая ее *активный* и *пассивный* модусы) в виде *Я-смотрящего* (действующего, интенционально направленного на объект, занимающего определенную позицию) и *Я-видящего* (пассивного, воспринимающего содержания). Необходимо

Рис. 1.

Центральная структура Я при встрече с “экзистенциально новым”

Примечание: “онтол.” – онтологический полюс Я-позиции; “онтич.” – онтический полюс Я-позиции; Person – персональная позиция.

также выделить позицию *Я-реальное* (осуществляющего функцию *осознания*), которая может проецироваться на любую точку центральной структуры Я (одной из ее возможностей является, например, позиция Персоны). При этом предполагаются два взгляда – на ситуацию (онтический вектор) и на ее общефилософскую оценку (онтологический вектор). При встрече с “экзистенциально новым” семантические векторы располагаются в плоскости, перпендикулярной векторам направленности. Это обусловлено тем, что семантические сдвиги, по мере их расширения, нередко в той или иной степени *децентрируют Я**.

* Децентрация – динамика, обусловленная, в основном, эмоциональным компонентом переживания, способная как приблизить человека к самому себе (аутентичность), так и отдалить от себя.

Человек осваивает экзистенциальное пространство так же, как и физическое. Вначале он “ощупывает” его своими органами чувств; потом учится делать шаги и таким образом перемещать все тело, одолевая новую территорию. Таким образом, происходит трансцендирование из сиюминутной ситуации, способность к которому, по мнению Р.Мэя, является основой человеческой свободы (Мэй, 2001).

При экзистенциально-индифферентных ситуациях человек, несомненно, остается в рамках антиципирующего предуказания Я (как способности к предвосхищению, в понимании М.Хайдеггера). Между тем, феномен “экзистенциально нового” всегда означает выход за рамки Я, то есть предполагает Я трансцендирующее. Таким образом, еще одна из важнейших характеристик “экзистенциально нового” – потеря антиципирующего предуказания.

“Экзистенциально новое” обладает свойством особым образом ориентировать Я-позицию, обеспечивая ее интенциональность трансцендентным притягиванием к себе извне, следствием чего становится семантическая децентрация Я, нарушающая его рамки. При этом внутренний фокус восприятия на какое-то время также становится внешним по содержанию. Именно эта особенность *Dasein* при встрече с “экзистенциально новым” позволяет (в отличие от Э.Гуссерля) условно вынести на представленной схеме содержание восприятия, отражающее качественную сторону интенционального акта, за рамки Я. Когда же “экзистенциально новое” перестает быть новым, семантические векторы вновь оказываются в пределах Я, перемещаясь от полюса объекта к полюсу субъекта.

Таким образом, встреча с “экзистенциально новым” всегда представляет собой выход за рамки Я. Говоря иначе, способность к трансценденции – необходимое качество, обеспечивающее возможность встречи с “экзистенциально новым” и его проживания. В этом случае объектив фотоаппарата перцепции как бы удлиняется, выходя за рамки Я. Степень этого удлинения определяется величиной несоответствия Я и Мира, а также размерами потери антиципирующего предуказания. Так, Я “впечатывается” в Мир, а Мир “впечатывается” в Я*.

Семантические векторы отражают степень несоответствия Я и Мира в плане приобретений и потерь. М.Хайдеггер определял это несоответствие посредством понятия “нерелевантность” (Хайдеггер, 1997), имея в виду несовпадение рамок экзистирующего в *Dasein* Мира с экзистирующим в *Dasein* Я. Характер данного несоответствия различен в случае приобретения и в случае потери. Но в обоих случаях оно одинаково меняет условия

* Понятие трансценденции в данном случае используется в широком значении, которое я поясню ниже. При этом оно не будет рассматриваться исключительно в духовно-нравственном аспекте, как это делал В.Франкл, определяя самотрансценденцию (Франкл, 2000).

проявления экзистенциалов. Забота *Dasein* (как основная форма интенциональности, описанная М.Хайдеггером) проявляется в попытках Я соотнести свои возможности с предоставленными рамками Мира. И как уже понятно, она предполагает необходимость использования особых свойств трансценденции, обеспечивающих не просто зрительное восприятие, а экзистенциальное, сущностное, расширение.

Трансценденцию, обеспечивающую обычный акт восприятия, его эмпирическую сторону, я бы назвал физиогенной. В тех случаях, когда речь идет о проживании феномена “экзистенциально нового”, имеется в виду “сущностная трансценденция”, означающая включение Мира в рамки допустимого, понятного и согласованного. При этом необходимо столь же сущностно войти в Мир и впустить его в себя не только перцептивно, но и интернализовав его.

Приобретения и потери отражают диапазон изменений в том, как субъектом воспринимается опорная функция различных экзистенциалов, включая экзистенциальные мотивации, очерченные А.Лэнгле (2001). Состояние *опоры экзистенции* может быть охарактеризовано в виде соответствующих полюсов фундаментальных мотиваций: “могу – не могу быть”; “нравится – не нравится жить”; “имею – не имею права”; “нахожу смысл – не нахожу смысла”.

Феномен “экзистенциально нового” представляется мне как объемное образование, имеющее самые разнообразные экзистенциальные грани. Характерным семантическим оттенком потери является разочарование. Разочарование – это потеря опоры, с которой связывалось не только настоящее, но и, что особенно важно, *будущее*. Другими словами, это, прежде всего, несбывшееся ожидание, конфронтация с неясным будущим, что лишает *Dasein* антиципирующей предуготовленности и препятствует проявлению его заботы. Следует отметить, что разочарование в подобной трактовке отнюдь не предполагает предварительного очарования как выраженной эмоциональной “охваченности” каким-либо объектом (как это отмечает В.И.Даль). В данном случае гораздо важнее то, в какой степени представления об объекте *важны* для собственной экзистенции.

Вполне очевидно, что переживания, связанные с потерей, имеют оттенок небытия, ибо отражают утрату экзистенцией своей опоры*. Они дают ощущение насильственно ограниченной, потерянной жизни. Не случайно такого рода переживания выступают наиболее частой причиной обращения к психотерапевту. Пропорционально величине потери происходит и децентрация Я, поскольку, судя по контексту различных психологических

---

* По словам Пауля Тиллиха, “каждое изменение обнаруживает относительное небытие того, что изменяется” (Тиллих, 1998).

и клинических феноменов, направление вектора потери всегда увеличивает расстояние до централизованной (взвешенной, согласованной, аутентичной) Я-позиции (см. *рис. 1*).

Если мы обратимся к полюсу приобретения, то сможем отметить, что он несет в себе характерный семантический оттенок удачи. Удача – это приобретение экзистенциальной опоры, с которой не связывалось не только будущее, но и, главным образом, *настоящее*. Удача содержит в себе конфронтацию с прошлым и со старыми представлениями о настоящем и будущем.

Однако, забота *Dasein* всегда устремлена в будущее, добавляя к представлениям о нем впечатления от восприятия настоящего. В этой связи уместно вспомнить неожиданную победу некоторых российских спортсменов на зимних Олимпийских играх. Когда им вручались медали, казалось, что преимущество, которое они завоевали в настоящем, обеспечивает им некоторые гарантии на ближайшее будущее. Однако, всего лишь по прошествии двух-трех месяцев, на зимних мировых соревнованиях, многие из российских медалистов не попали даже в число призеров.

Да, момент удачи сообщает человеку окрыленность, устремляет его в будущее. Он поднимает его над землей, над своей собственной жизнью, над своими возможностями, придает новые силы. В то же время, феномен удачи позволяет рассмотреть механизмы формирования различных как нормальных, так и клинических феноменов, в отношении которых Л. Бинсвангер применял термины “экзистенциальная ловушка”, “состояния охваченности” (*Бинсвангер, 1999*). Несмотря на то, что удача сопровождается ощущением новой выявленной, приобретенной жизни, пропорционально величине приобретений может расти, как и при потере, децентрация Я, вызывающая эффект своего рода “зашкаливания” и повышающая риск искаженных проекций.

Разочарование и удача представляют собой эмоционально окрашенное переживание неожиданной реальности, отрицающей вероятность. Именно *отрицающей*, а не подтверждающей. Благодаря такому отрицанию удача дарит нам вечность, а разочарование грозит небытием. Таким образом, в случаях как приобретений, так и потерь, мы можем увидеть особую форму проекции настоящего на будущее, отражающую искаженную функцию заботы *Dasein*.

Децентрированность Я является той общей характеристикой, которая позволяет проводить некоторые аналогии между потерями и приобретениями. Каждая потеря предполагает приобретение, а каждое приобретение предполагает потерю как перспективы центрации Я. Чем уже миропроjekt, о котором говорит Л. Бинсвангер, тем условнее, по сути, ви-

димая пациентом граница, разделяющая в конкретной феноменологии приобретения и потери. Их баланс предполагает определенную динамику *психического* и *духовного*. При этом динамика психического обладает свойствами инерционности и парадоксальности.

Некоторым клиентам приходится в течение короткого промежутка времени испытывать то потери, то приобретения. Одна моя клиентка назвала это явление “маятником”. В течение недели она испытала оба состояния, переживая их в отношениях с любимым человеком. Ощущение потери возникло после того, как она подвела своего партнера, вела себя “недостойно”, задержав его отъезд на дачу, разрушив его планы и вызвав в нем недовольство. Разочарованная, подавленная, пришла она на прием, спустя некоторое время, в течение которого страдала из-за создавшейся ситуации, “переживая свою вину”. Но вскоре произошла встреча, убедившая ее в том, что любимый человек чувствует к ней глубокую привязанность. На очередной сессии она была счастливой, безмятежной. Несмотря на подъем настроения, она отметила, что испытывает такую радость, что “не видит и не чувствует окружающей жизни”, не получает столько удовольствия, сколько могла бы получать от купания в озере, от вкусной еды, от возможности побездельничать. Ее чувства “как будто притупились”, заблокировались. Характеризуя состояние необычной живости и счастья, довольства собой, она в то же время отметила, что ощущает себя так, “словно не живая”, подразумевая под этим состоянием все ту же утрату чувственной связи с реальностью. Здесь мы сталкиваемся с особой формой ощущения собственной измененности в случае приобретения – с “деперсонализацией приобретения”, вызывающей изменение восприятия себя и окружающего.

Похожая картина складывается и в “иллюзии потери”, в “деперсонализации потери”. Степень этой иллюзии и деперсонализации соотносится с величиной потери. При реактивной психотической депрессии утрачивается связь с реальностью, но исчезают и деперсонализационные реакции. В обоих случаях – и приобретения, и потерь – мы отмечаем блокаду *Person* структурами Я. Изменения самосознания при приобретении и потере могут сопровождаться разноплановыми и комплексными изменениями самооценки.

Таким образом, потеря и приобретение в условиях встречи с “экзистенциально новым” могут сопровождаться искаженным, иллюзорным восприятием окружающего мира и чувством собственной измененности. Деперсонализация в обоих случаях представляет собой реакцию на защитную заблокированность и аффективную расторможенность. Эту ре-

акцию лишь тогда можно оценивать как деперсонализацию, когда она представляет собою не простую констатацию факта измененности, а актуальное переживание, зачастую и выступающее причиной обращения к терапевту.

Как при иллюзии потери, так и при иллюзии приобретения, мы сталкиваемся с одним и тем же феноменом – “*монокулярного зрения*”. Он проявляется в одностороннем сужении перцептивного поля. В обоих случаях перед психотерапевтом стоит задача расширения перцептивного поля и раскрытия “второй пары глаз”, благодаря чему формируется “бинокулярное зрение”, которое предполагает видение всех аспектов ситуации.

Способность к сущностной трансценденции зависит от способности Я-реального свободно перемещаться в рамках центральной структуры Я. Если Я-реальное находится вблизи онтического полюса, будучи не способным занять по отношению к нему необходимую для взвешенного взгляда дистанцию, это означает, что оно видит лишь данную конкретную ситуацию и целиком “охвачено” ею. Если Я-реальное остановилось возле онтологического полюса, то Я-позиция, напротив, имеет характер отстраненности. В обоих случаях речь идет об инерционности.

Таким образом, Я-смотрящее, как и Я-видящее, может быть “монокулярным” и “бинокулярным”, инертным и подвижным. Способность к тому, чтобы занять *персональную позицию*, определяется способностью к бинокулярному видению и пониманию как онтических (ситуативных), так и онтологических (общефилософских) аспектов (как это отмечал М.Хайдеггер). Данные способности обеспечиваются свободным перемещением позиции Я-реального от онтического полюса к онтологическому и обратно, в сопровождении оценочных согласований. Эти перемещения могут повторяться многократно, пока Я-реальное не займет персональную позицию, которая обеспечивается двумя взвешенными, согласованными взглядами (см. *рис.1*). Нравственно-религиозная форма таких согласований хорошо представлена в текстах Аврелия Августина (*Августин*, 1999).

Здесь следует еще раз обратить внимание на то, что онтический полюс при встрече с “экзистенциально новым” всегда трансцендирован, то есть расположен за пределами границ Я. Тем не менее, проработка ситуации, сопровождаемая открытием двух систем бинокулярного зрения, может привести к расширению границ Я, обеспечив сущностную трансценденцию. Эти две пары глаз представляют собой глаза Я-смотрящего, нацеленные на онтологический и онтический полюса, и глаза Я-видящего, нацеленные на *семантику* приобретений и потерь.

Онтический полюс имеет свою собственную мифологию и символику, которая отражает охваченность человека чем-либо конкретным и говорит на языке чувств.

Онтологический полюс также имеет свою мифологию и символику, отражающую свободу, эстетический взгляд на мир и использующую язык мыслей и смыслов. Онтологический задний план часто нуждается в достраивании, соответственно диапазону приобретений и потерь (см. *рис.1*).

Персональная, аутентичная позиция, как правило, находится между этими полюсами. Ее символы отражают целостность, единство Эго и самости.

Следует отметить, что эстетический взгляд и юмор, хотя и помогают достигать дистанцирования в некоторых случаях, но, все же, весьма условно могут быть отнесены к онтологическому полюсу. Они, скорее, занимают промежуточное положение между полюсами, поскольку сочетают в себе чувства и суженную онтологическую позицию.

Каким образом человек, целиком охваченный ситуацией и чувствами, которые она вызывает, оказывается одновременно и близок к себе и далек от себя?

Близость к себе – это близость к конкретному живому чувству, формирующему “чувство жизни”. Это – переживание “прикосновения” к самой жизни, что отвечает “онтической” ипостаси Я. Удаленность же от себя означает удаленность от персональной позиции. Дело в том, что переживаемое мною чувство и моя персональная позиция не равны друг другу, как не равны *психодинамика* и *ноодинамика*. Но я могу быть полным “здесь и сейчас” только при том условии, если я трансцендентен по отношению к сиюминутной ситуации. Трансцендентность в данном случае должна быть *персонально интенциональной*, то есть направленной на персональную центрированность.

К этой важной, хотя и не оригинальной мысли, мы приходим, анализируя некоторые структурные особенности экзистирующего *Dasein* при встрече с “экзистенциально новым” и формулируя “парадокс близости-отдаленности”, который одинаково характерен для ситуаций как приобретения, так и потерь, и обусловлен разноплоскостной ориентировкой децентрирующих чувств, с одной стороны, и ноодинамики, с другой. Вместе с тем, чувства участвуют и в индикации персональной позиции (см. *рис.1*).

Ранее мы рассмотрели варианты связанности Я-позиции с онтологическим и онтическим полюсами и, соответственно, полярность психологических и клинических проблем, которую условно можно обозначить терминами “отстраненность” и “охваченность”.

При более подробном рассмотрении семантической шкалы можно также выделить поле приобретений и потерь, контролируемое персоной (см. рис.1). *Персональная позиция* обеспечивает включение возможного семантического разброса значений опыта в рамки допустимого. Это – “зона контролируемой жизни”. Пациенты, проживающие свои встречи и отношения в данном диапазоне семантического “маятника”, могут отмечать некоторое однообразие жизни. З.Фрейд в таких случаях говорил об “области чувственной индифферентности” (Фрейд, 2001). Ощущение однообразия и монотонности жизни возрастает по мере снижения амплитуды приобретений и потерь.

Вместе с тем, персональная позиция может предполагать и увеличение амплитуды семантических колебаний и даже их преимущественную направленность (есть пациенты, в жизни которых преобладают приобретения, и такие, кто несет бесконечные потери, что обусловлено структурными особенностями Я). Расширение диапазона семантических колебаний выводит человека за рамки, контролируемые персональной позицией, образуя “зону персонально не допустимой и не контролируемой жизни”. Клиенты, проживающие подобным образом свою жизнь, иногда говорят: “Это уже слишком”. Одна из моих пациенток заметила по аналогичному поводу: “Этот маятник трудно вынести”. Данное высказывание свидетельствует о противоречии, в котором находятся Я и Персона.

Таким образом, можно сделать заключение, что шкалы Я-смотрящего и Я-видящего находятся в разных плоскостях. Их положение отражает описанную М.Хайдеггером связь близости и значения, в которой сочетаются, а нередко и сталкиваются ноодинамика и психодинамика. Эта связь является чем-то вроде железнодорожного узла, где формируются составы поездов, уходящие по разным направлениям. При этом, перспектива ноодинамики оказывается в отношениях обратной пропорциональности с выраженностью психодинамики.

И в случаях приобретений, и в случаях потерь парадоксальность позиции Я, как это подчеркивалось выше, отражает близость к Я-чувству и отдаленность от Я-персональной позиции. Какие последствия это парадокс может иметь для человека?

Главное среди них – *иллюзорное восприятие реальности*. Мы можем столкнуться с монокулярным, односторонним видением жизненной ситуации, игнорирующим ту часть реальности, вероятностей которой недостаточно, чтобы занять взвешенную, аутентичную персональную позицию. В этом случае потрясенное Я-смотрящее должно увеличить дистанцию между собой и онтическим полюсом. Расширение горизонта

видения призвано помочь человеку обрести недостающий угол зрения, благодаря которому оно станет бинокулярным.

Иллюзия приобретения, как и иллюзия потери, временно лишаящая нас “второго глаза”, приводит к нарушению временного экзистенциального континуума: у человека искажается картина настоящего и будущего, утрачивается связь и с прошлым (феномен, который я называю *разрывом экзистенциальной континуальности*). Континуальность – важнейшее свойство, отвечающее основной потребности *Dasein*, описанной М.Хайдеггером и уже не раз упоминавшейся в нашем тексте, – потребности в заботе. Иллюзия, уводя человека от реальности, лишает *Dasein* возможности заботиться о себе. Психотерапия нацелена на то, чтобы вернуть эту функцию *Dasein*, тем самым способствуя *персональной центрации Я*.

Человек нередко путает непрерывность своего сознания с непрерывностью собственного бытия. С этой проблемой приходится часто сталкиваться, работая с пациентами, имеющими различного рода синкопальные и другие состояния, сопровождающиеся потерей сознания. Непрерывность сознания и непрерывность бытия – самостоятельная тема, освещение которой не входит в задачи настоящей статьи. Отметим лишь, что непрерывность, континуальность сознания – своего рода спасательный круг, за который нередко хватается тонущее конечное бытие. Разрыв экзистенциальной континуальности представляет собой не только разрыв темпоральности. Он сопровождается деформацией и других важных экзистенциальных характеристик, таких как пространство, причинность, субстанциональность, смысл и др. Все здание экзистенции, составленное базовыми экзистенциальными мотивациями (Лэнгле, 2001), расшатывается в такой момент, грозя рухнуть. Онтическое нередко соотносится, в той или иной мере, с иллюзорностью и, соответственно, с разрывом экзистенциальной континуальности.

Заботясь о себе, *Dasein* утверждает себя. Утверждение себя – это то, чем мы обладаем еще до того, как задумались о своем праве быть такими, какие мы есть (до-стоинство). Жить – значит утверждать себя посредством “нацеленности на” и “показывания”*. Понимание этих двух способов утверждения себя лежит в основе феноменологического подхода. Я могу показывать, как не люблю другим что-то “казать”, говоря на языке Хайдеггера, но, при этом, утверждаю себя тем, что показываю это. Я не могу жить и не “казать”, не утверждать себя, поскольку такова интенция жизни. Утверждение посредством “показывания” – одно из условий экзистенции, говорящей жизни “да”. Я обнаруживаю себя перед собой и Миром. Воз-

---

* Здесь мысль М.Хайдеггера (1997) несколько видоизменена и дана в контексте утверждения. Перевод в этот контекст усиливает ее прикладную, персональную направленность.

возможности психотерапии и диалогических отношений с Миром реализуются посредством необходимого соотнесения “нацеленности на” с показыванием. Разрыв двух этих способов утверждения себя грозит релятивизмом как в психотерапии, так и в психологической жизненной реальности.

Нередко доводится сталкиваться с феноменом “экзистенциально нового” в виде “обратимой потери”. “Обратимая” – потеря в прошлом. Ввиду каких-либо обстоятельств, она перестает восприниматься как потеря.

Примером переживания “обратимой потери” может служить следующий случай. Клиентка 48 лет сформулировала свою проблему несколько озадачивающим образом: по ее словам, за последние полтора года в ее жизни произошли перемены “к лучшему”, которые трудно объяснить. Эти перемены заключались в улучшении настроения, росте самооценки, возвращении к жизни и к согласию с собой. Поводом для обращения к психотерапевту была необходимость найти объяснение произошедшим переменам. Клиентка рассказала, что родилась в провинциальном городе и вышла замуж за москвича, переехав в Москву. Через два года после свадьбы муж начал злоупотреблять спиртным. С этого момента “ушло ощущение радости жизни”. Она, все же, не решалась оставить мужа и вернуться к родителям, так как зависела от него материально. Все последующие годы (брак длится 14 лет) ее угнетала необходимость мириться с тем, что муж часто выпивает. Она прекрасно понимала, что ее хронически сниженное настроение связано именно с этой причиной. Вместе с тем, она не раз вспоминала детские годы, когда присутствовала при скандалах, которые устраивал ее отец-алкоголик. Еще тогда, в детстве, она дала себе клятву, что в ее жизни ничего подобного не будет. Величина ее разочарования от алкоголизации мужа была слишком велика. Тем не менее, за последние 1,5 года “без видимых причин” настроение поднялось и вернулось ощущение радости жизни.

В ходе аналитической работы выяснилось, что некоторые перемены все же произошли, но не в поведении мужа, а во взгляде самой клиентки на происходящее. В процессе сократического диалога клиентка вспомнила, что изменению взгляда предшествовали некоторые ее рассуждения. Так, оказалось, что в состоянии опьянения муж достаточно мил, приветлив, проявляет нежность к своей жене, иногда даже дарит ей цветы. Несмотря на то, что он часто приходит домой навеселе, он никогда не скандалит, в отличие от некоторых мужчин. При этом муж продолжает материально обеспечивать семью, где растет ребенок 14 лет. По отношению к ребенку муж также проявляет внимание и ласку. В процессе беседы клиентка вспомнила, что в течение многих лет ее

психика была заблокирована убеждением “мой муж не должен быть алкоголиком”. Открытию нового взгляда способствовал приобретенный жизненный опыт и время, позволившее увидеть онтологический и онтический полюса проблемы. Открывшееся “бинокулярное зрение” позволило клиентке увидеть не только “полюс потерь”, но и “полюс приобретений”, ценой избавления от некоторых иллюзий. Так формировалась ее персональная позиция в данном вопросе. Каких-либо признаков, указывающих на эндогенное происхождение многолетней депрессии, обнаружить не удалось.

Проведенная консультация позволила выявить у клиентки ряд экзистенциальных проблем, связанных с самооценкой, нахождением жизненных ценностей и смысла, с поиском персональной позиции и пр., на важность которых было обращено ее внимание. Приведенный пример демонстрирует ситуацию “обратимой потери” (потери, которая перестала быть таковой) с многолетним поиском окончательной персональной позиции.

Не менее распространены в практической работе ситуации “обратимых приобретений”. Во всех случаях отмечаются реципрокные отношения обоих феноменов. Обратимая потеря переживается как приобретение, а обратимое приобретение – как потеря.

И потери, и приобретения связаны с особенностями трансценденции при встрече с “экзистенциально новым”. При потере человек не находит себя за рамками Я, а в ситуации приобретения встречает там себя. Обе этих полярных ситуации требуют интернализации старого опыта и ее включения в осуществляемые терапевтические шаги. Важный аспект работы – определение соотношения обратимых приобретений и потерь с реальностью.

Необходимо также учитывать категории *мнимых* и *персональных* потерь-приобретений. Мнимым потерям-приобретениям присуща внутренняя несогласованность и неинтегрированность (по аналогии с первичными эмоциональными реакциями), тогда как потери-приобретения персонального уровня возникают на базе интегрированной персональной оценки. Такой взгляд основан на отмеченных А.Лэнгле различиях в способах индикации структур Я и глубинного голоса Персоны (Лэнгле, 2002).

Проследим один из возможных вариантов динамики позиции, занимаемой человеком в отношении одной и той же жизненно важной проблемы, на примере моей пациентки 23-х лет.

Девушка в течение года встречалась с молодым человеком и решила выйти за него замуж. По мере приближения свадьбы ее стали настигать сомнения в правильности принятого решения. Сомнения были обу-

словлены тем, что будущий супруг проявлял бескомпромиссность во многих волнующих ее вопросах. Тем не менее, чувства ей говорили, что, выходя замуж, она совершает единственно верный для нее шаг. Через три месяца после свадьбы девушка отметила, что “чувства стали уходить”. После долгих колебаний она приняла “единственно верное для нее решение” – оставить мужа.

Занятие персональной позиции в обоих случаях напоминало о высказывании В.Франкла: “Ты можешь быть уверен наполовину, но всем сердцем”. Даже по прошествии нескольких месяцев девушка считала оба принятых ею решения вполне обоснованными.

Данный случай показывает, как реальное приобретение может стать обратимым при одновременном сохранении персональности занимаемой позиции. Иными словами, мы здесь имеем дело с аутентичной динамикой. В тех случаях, когда происходит смена мнимой и персональной позиции, можно говорить о смешанной динамике. Не аутентичная динамика означает стабильность мнимых (не аутентичных) позиций. Я думаю, что эти представления вполне согласуются с определением А.Лэнгле Персоны как возможности наличия аутентичной позиции, имеющей динамический, единственный и неповторимый для каждой ситуации характер (*Längle, 1993*).

Потери и приобретения содержат в себе разные полюса иллюзорного восприятия человеком себя и окружающего мира. Сам человек, пытающийся в каждом конкретном случае занять аутентичную позицию, обретается между этими полюсами. “Сужение миропроекта”, которое описывал Л.Бинсвангер, обусловлено односторонней, монокулярной позицией Я-смотрящего и Я-видящего. Только бинокулярное зрение (по-видимому, у человека не случайно два глаза) позволяет расширить миропроjekt и трансцендентно проработать “экзистенциально новое”.

Повседневная психотерапевтическая практика служит подтверждением того, что любая проблема клиента на глубинно-аналитическом уровне может рассматриваться как проблема нахождения баланса между приобретениями и потерями. Мы пытались показать, что эта задача обеспечивается открытием “бинокулярного зрения” в двух измерениях: в измерении “онтологическое-онтическое”, отражающем позицию Я-смотрящего, и в измерении “приобретения-потери”, отражающем позицию Я-видящего. Оба этих взгляда включены в ноодинамику и предполагаются необходимостью формирования персональной позиции.

(Продолжение статьи – в МПЖ № 4, 2003)

ЛИТЕРАТУРА

- Августин А. *Исповедь*. М., Азбука, 1999, 392 с.
- Бинсвангер Л. *Бытие в мире*. М., Рефл-бук, 1999, 332 с.
- Больнов О.Ф. *Философия экзистенциализма*. СПб, ЛАНЬ, 1999, 222 с.
- Брентано Ф. *О происхождении нравственного познания*. М., АЛТЕЙЯ, 2000, 185 с.
- Бубер М. *Два образа веры*. М., Республика, 1995, 464 с.
- Гуссерль Э. *Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука*. Мн., Харвест, М., АСТ, 2000, 752 с.
- Лэнгле А. *Экзистенциальный анализ – найти согласие с жизнью*. МПЖ, № 1, 2001, с.5-23.
- Лэнгле А. *Грандиозное одиночество*. МПЖ, № 2, 2002, с.34-59.
- Мэй Р. *Вклад экзистенциальной психотерапии*. В кн.: *Экзистенциальная психология. Экзистенция*. М., Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2001, с.141-201.
- Сосланд А.И. *Фундаментальная структура психотерапевтического метода, или как создать свою школу в психотерапии*. М., Логос, 1999. 368 с.
- Франкл В. *Воля к смыслу*. М., Апрель-Пресс, ЭКСМО-Пресс, 2000, 368 с.
- Фрейд З. *Я и Оно. По ту сторону принципа удовольствия*. М., АСТ, 2001, 158 с.
- Хайдеггер М. *Бытие и время*. М., AD MARGINEM, 1997, 451 с.
- Ясперс К. *Введение в философию*. Мн., Пропилеи, 2000, 192 с.
- Längle A. *Personale Existenzanalyse*. // In Laengle A. (Hrsg.) *Wertbegehung Phänomene und metodische Zugänge*. Wien: GLE-Verlag, 1993. 133-160.